

МОТИВЫ МУЧЕНИЧЕСТВА И ИСПОВЕДНИЧЕСТВА В РУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ СЯТОМУ БЛАГОВЕРНОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ

Аннотация. Среди благоверных русских князей св. Александр Невский обычно возглавляет группу «князей-правителей и воителей за Русскую землю». Принятие монашества на смертном одре добавляет к его образу преподобнические черты. Однако анализ текстов показывает, что уже очень рано в житиях появляются и другие мотивы, в частности, исповедничества и мученичества. В статье анализируются черты мученического и исповеднического подвига в агиографических текстах, посвященных св. Александру Невскому.

Ключевые слова: св. Александр Невский, благоверные князья, исповедничество, мученичество, страстотерпчество.

Цитирование. Федорова Ю. Ю. Мотивы мученичества и исповедничества в русской агиографической традиции, посвященной святому благоверному князю Александру Невскому // Церковь. Богословие. История. 2021. № 2. С. 38–47.

Сведения об авторе. Федорова Юлия Юрьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (Россия, г. Ульяновск). E-mail: fedorowaiulia@yandex.ru.

Почитание лика благоверных правителей в Православной Церкви, как правило, связано с их трудами по защите православной веры, щедрой благотворительностью, личным благочестием. Русские благоверные князья составляют особую группу почитаемых правителей, поскольку по своему статусу и характеру своей деятельности отличаются как от византийских императоров, так и от русских царей. Особенности этой группы были описаны Г. П. Федотовым, который видел сущность подвига благоверного князя на Руси в реализации идеала самоотверженной любви к своему народу¹. При этом большинство из прославленных русских благоверных почитаются еще и как представители какого-либо иного лика святости. Это позволяет Федотову выделить 4 типа святых князей на Руси: князья-равноапостольные, князья-страстотерпцы, князья-иноки, князья — правители и воители за Русскую землю, прославившиеся своим общественным служением².

¹ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону, 1999. С. 106.

² Там же. С. 95.

Святой благоверный князь Александр Невский в этой типологии относится к последней, немногочисленной группе князей, чей подвиг связан непосредственно с реализацией собственно княжеских полномочий — успешная военная защита своей земли и мудрое правление. В этой группе Житие св. Александра является первым, то есть выступает «агиографическим образцом» для житий князей этой группы (свв. Довмонта Псковского, Мстислава Храброго и др.), и даже представляет собой «новый тип святости»³.

Первоначальная редакция Жития была написана, вероятно, вскоре после смерти князя — в окружении митрополита Кирилла. Она содержит изложение ряда выборочных эпизодов из жизни князя, подчеркивающих его героический образ как непобедимого воина и мудрого политика. Последующая доработка сюжета в более поздних редакциях связывается некоторыми авторами с церковно-политической конъюнктурой. Например, Ф. Б. Шенк показывает изменение образа св. Александра Невского в российском церковном и династическом дискурсах в зависимости от потребностей эпохи. В частности, появление подробного описания детства святого в редакциях XVI в., напоминающее начало монашеского жития, а также большого количества новых чудес автор связывает с политикой митрополита Макария и его эпохи, в которую Русской Церкви нужно было показать, что она имеет своих подвижников и чудотворцев⁴.

Однако отечественные публикации последних лет, посвященные герменевтике древнерусской литературы, показывают, что тексты древнерусской книжности, к которым относятся и жития русских святых, для своего понимания требуют особого подхода. Это и понимание особой функции «библейских тематических ключей» (Р. Пиккио⁵), и презумпция религиозности текста (А. М. Ранчин⁶), и способность древней агиографии иметь в себе несколько возможностей толкования (О. В. Гладкова⁷), и принципы «поэтики уподобления»,

³ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 63.

⁴ См.: Там же. Гл. 4.

⁵ Пиккио Р. О библейских тематических ключах // Его же. *Slavia Orthodoxa*. М., 2005. С. 431–465.

⁶ Ранчин А. М. О принципах изучения истории древнерусской литературы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 103–114.

⁷ Гладкова О. В. О трех смыслах в агиографии // Русская речь. 2009. № 3. С. 67–72.

с помощью разных способов утверждающие представление о человеке как подобии своего Первообраза (О. В. Панченко⁸).

С помощью этого методологического аппарата появление в поздних редакциях Жития новых мотивов может быть понято как развитие неявного символического содержания, бывшего, однако, вполне явным для современников древних текстов. С точки зрения этого подхода св. Александр уже в самых первых житийных описаниях предстает как благоверный князь, воплотивший в своем служении самые разные аспекты святости, а не только воинскую доблесть.

Например, неявный на первый взгляд мотив апостольства князя Александра становится очевидным, если раскрыть смысл некоторых цитат первой редакции. Так, например, делает диак. В. Василик, указывающий на измененную цитату из стихир св. равноапостольному Константину в «Повести о житии...»⁹. Е. Грузнова, в свою очередь, опираясь на данные текстологического анализа рукописей, убедительно демонстрирует, что эпизоды, связанные с противостоянием папству действительно являются ключевыми в этой «воинской» повести и свидетельствуют о том, что все основные события памятника так или иначе являются отголоском активно проводимых в 1237–1256 гг. папством очередных переговоров об унии с представителями Никейской империи, куда ездили поставляться в то время Русские митрополиты (поскольку Константинополь, захваченный крестоносцами в 1204 г., на время стал столицей империи латинской)¹⁰.

Понимание эпизода монашеского пострига также может быть углублено, что демонстрировал в своих исследованиях Г. П. Федотов. С одной стороны, он считал это данью традиции князей принимать постриг на смертном одре как акт последнего покаяния, а с другой

⁸ Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). 2003. Т. 54. С. 491–534.

⁹ Василик В., диак. «И прииде в Неву, шатааяся безумием». Немцы и шведы в Житии Александра Невского // Сайт «Православие.ru». URL: <https://pravoslavie.ru/57907.html> (дата обращения: 21.11.2020).

¹⁰ «По сути дела, через все произведение красной нитью проводится идея богоизбранности Александра как защитника правой веры, прежде всего от посягательств Рима» (см.: Грузнова Е. Б. Ключевые сюжеты основных редакций Жития Александра Невского // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 98).

стороны, видел и возможность понять связь княжеского и монашеского делания шире: «Если рассматривать участие в войне как общественное служение, как акт самопожертвования, угодный Богу, то исчезает противостояние воинского и монашеского идеалов»¹¹.

Об этом же пишет и А. М. Ранчин: «Князь воспринимался как исполнитель мирского служения Богу, его жизнь в миру соотносилась с подвигом монаха вне мира. Подобно монашескому, княжеское служение в идеале приближало к святости... Постриги — обряд пострижения волос, совершаемый над князем-ребенком — напоминали монашеский постриг»¹². Поэтому появление в агиографии и иконографии XVI в., посвященных святому князю Александру Невскому, «в иноцех Алексию», черт преподобного является вполне естественным проявлением такого восприятия.

Очевидно, что и черты мученичества (а также исповедничества и страстотерпчества, которые можно рассматривать как разновидности мученического, в широком смысле, подвига) также естественно сопровождают образ благоверного князя в агиографии уже в силу характера его служения. По словам того же А. М. Ранчина, в русской письменности прослеживается «глубокая взаимосвязь образов святого-правителя и святого-мученика», а «в логическом пределе, жития князя-правителя и страстотерпца образовывали единый текст»¹³.

Князь — воитель и защитник своей земли, это тот, кто всегда готов положить душу свою за свой народ, и святой благоверный князь Александр Невский традиционно также описывается в житийных и летописных источниках как тот, кто «много тружеся за землю русскую, и за Новгород, и за Псков и за всю землю русскую живот свои полагая»¹⁴. Уже в «Повести о житии и о храбрости благоверного великого князя Александра», датируемой 60–80 гг. XIII в., то есть написанной вскоре после смерти князя на основе свидетельств

¹¹ Федотов Г. П. Русская религиозность // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/russkaja-religioznost/2_10 (дата обращения: 21.11.2020).

¹² Ранчин А. М. Князь-страстотерпец в славянской агиографии // Его же. Вертоград Златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/347125> (дата обращения: 21.11.2020).

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: Федотов Г. П. Святые Древней Руси... С. 109.

очевидцев его жизни и лежащей в основе всех последующих переработок и редакций Жития святого, можно заметить неявно выраженную через язык библейских цитат и уподоблений мысль о страдании, заложенном во внешне блестящий образ князя-победителя.

В начале повести князь уподобляется сразу несколькими ветхозаветным прообразами: «И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую»¹⁵. Уже в этом описании библейские прообразы князя указывают не только на названные достоинства (красота, сила, мудрость), но и на трагические моменты судеб этих ветхозаветных героев.

Сравнение с самым первым из них — праведным Иосифом Прекрасным стало основой тропаря святому Александру Невскому: «*Познáй свою брáтию, Россiйский Иосифе, не в Егiпте, но на небесi царствующий, благоверный княже Алексáндре, и прими молéния их, умножáя жiта людем плодонóсием землi твоея...*». Однако св. прав. Иосиф, проданный из зависти братьями в Египет, является одним из самых важных ветхозаветных прообразов Иисуса Христа в Его страстях, и соответствующие отрывки из Ветхого Завета являются частью богослужений Страстной Седмицы.

По мнению диакона В. Василика, сравнение с Самсоном и императором Веспасианом, оставленным своими воинами, также должно напомнить нам об одиночестве князя и том, что ему приходилось неоднократно становиться жертвой предательства, а сравнение неверных псковичей с иудеями дано в форме, напоминающей антифоны Великой Пятницы¹⁶.

В последующих редакциях Жития мученическая составляющая получает уже не символическое, а буквальное наполнение. Впервые, по всей видимости, это происходит в тексте, написанном в середине

¹⁵ Житие Александра Невского (Повесть о житии и о храбрости благоверного великого князя Александра) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1999. Режим доступа: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-496> (дата обращения: 21.11.2020).

¹⁶ См.: Василик В., диак. «И прииде в Неву, шатаяся безумием»...

XVI в. псковским пресвитером Василием (будущим митрополитом Варлаамом) для Миней Четиих митрополита Макария. Автор этой редакции, воспроизводя эпизод, связанный с первой поездкой князя в Орду, добавляет историю о решительном отказе князя Александра, по благословению митрополита Кирилла, участвовать в языческих обрядах, традиционно предлагаемых каждому ханскому гостю¹⁷. Согласно Житию Василия-Варлаама, князь поступает во всем подобно св. мч. Михаилу Черниговскому, Житие которого и ложится здесь в основу повествования. Более того, данный эпизод становится «одним из главных эпизодов жития»¹⁸.

В уста князя Александра здесь вкладываются слова, характерные как для страстотерпцев («лучше ми единому умерети... нежели многим кровопролитие довести»), так и для мучеников за веру («аще и кровь мою пролью Христа ради от беззаконного царя, якоже и сродника моа, кусту и огню и идолом его не поклонюся»¹⁹).

Хотя некоторые последующие редакторы и составители Жития святого князя пытались убрать описываемый эпизод как недостоверный, стереть память о нем оказалось невозможным, и в агиографической традиции возобладали варианты, данный эпизод имеющие. По мысли дореволюционного исследователя княжеских житий Н. Д. Серебрянского, эпизод был удачен тем, что «он подсказывался самым тоном церковно-летописного рассказа о приеме вел. князя Батыем, являлся дополнением, естественно вытекавшим из контекста речи в древней биографии»²⁰.

Эпизод «бескровного мученичества»²¹ вошел и в редакцию свт. Димитрия Ростовского. В 4-ю книгу его Четиих Миней под 30 авгу-

¹⁷ Н. И. Милютенко показывает, что избежать участия в этих обрядах было очень сложно, если не невозможно, и что папский посол Плано Карпини, находившийся в монгольской столице во время отравления отца Александра Невского Ярослава Всеволодовича, также вынужден был это сделать; см.: *Милютенко Н. И. Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. Т. 64. 2016. С. 180–198.*

¹⁸ Житие Александра Невского: разбор редакций и текст / В. Мансикка. О-во любителей древней письменности, СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства; Вып. 180). С. 135.

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ *Серебрянский Н. С. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). Ч. 1. М., 1915. С. 108.*

²¹ Такое название применяет Ф. Б. Шенк (*Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти... С. 98*).

ста включено повествование о «Перенесении честных мощей святого благоверного великаго князя Александра Невского из Владимира в Царствующий град святого Петра», в котором кратко воспроизводятся и основные моменты Жития святого²². Причем рассказу о решимости князя пострадать в Орде, вместе с увещанием князя митрополитом Кириллом к мученичеству, придается такое значение, что он занимает почти треть всего текста. В русском переложении статья святителя о перенесении мощей превращается в полное Житие, однако этот эпизод тоже сохраняется²³.

В более позднем акафисте святому благоверному великому князю Александру Невскому, написанном в середине XIX в., в 8-м иконе эпизод назван «подвигом исповедничества» князя, а сам он называется «исповедником веры Христовой», который «твари паче Создавшего не послуживый... солнцу и огню в стане безбожных не поклонивыйся...»²⁴.

Мученический и даже, скорее, страстотерпческий образ князя достраивается возникшими почти сразу после его смерти слухами и гипотезами об отравлении святого Александра в Орде в последнюю его поездку к хану Берке. Князь едет к хану, «дабы отмолить люди своя от беды той», то есть от необходимости участия русских воинов в ордынских походах, и возвращается из этой поездки смертельно больным. Гипотеза насильственной смерти князя, очень напоминающей гибель в орде его отца Ярослава Всеволодовича, а также смерть возможного «побратима» Александра — Сартака, сына Батыея, поддерживается многими историками, хотя и не входит ни в одну из известных редакций Жития, кроме художественных переложений²⁵.

²² *Димитрий Ростовский, свт.* Жития святых. Книга четвертая. Июнь, июль, август. Киево-Печерская Лавра, 1764. С. 1184–1189.

²³ См.: *Димитрий Ростовский, свт.* Житие святого благоверного князя Александра Невского // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/719 (дата обращения: 21.11.2020).

²⁴ Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому (в иноце Алексию). Л., 1990. С. 10.

²⁵ См.: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009. Режим доступа: <http://www.a-nevsky.ru/library/aleksandr-nevskiy-epoha-i-pamyat-istoricheskie-ocherki18.html> (дата обращения: 21.11.2020).

В этой последней «вольной жертве» за людей своих вся жизнь святого князя, исполненная трудов, подвигов, испытаний и скорбей, получает достойный венец в принятии мученической смерти, готовность к которой несомненно всегда присутствовала в его действиях. По словам Н. А. Клепинина, сама «трагичность положения между татарами и Русью делает из святого Александра мученика. С мученическим венцом он и входит и в Русскую Церковь, и в русскую историю, и в сознание народа»²⁶.

Образ князя-мученика присутствует и в иконографии. Уже в известной фреске Архангельского собора Московского Кремля св. Александр Невский изображен с крестом в руке, и в современной иконографии также встречаются изображения князя с крестом как мученика, хотя традиционно в истории «соперничали» прежде всего монашеское и княжеское изображения²⁷.

Таким образом, присутствующий сначала неявно, в символическом подтексте первых повествований о житии св. Александра Невского мотив исповедничества и мученичества, постепенно нарастая, становится одним из важнейших и становится неотъемлемой чертой современного образа святого князя Александра.

Источники и литература

1. Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому (в иноцех Алексию). Л., 1990.
2. *Бегунов Ю. К.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Не в силе Бог, но в правде. Святой благоверный князь Александр Невский. Церковно-исторический сборник. М., 2007. С. 315–324.
3. *Василик В., диак.* «И прииде в Неву, шатаяся безумием. Немцы и шведы в Житии Александра Невского // Портал «Православие.ру». URL: <https://pravoslavie.ru/57907.html> (дата обращения: 20.11.2020).
4. *Гладкова О. В.* О трех смыслах в агиографии // Русская речь. 2009. № 3. С. 67–72.
5. *Грузнова Е. Б.* Ключевые сюжеты основных редакций Жития Александра Невского // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 95–111.

²⁶ *Клепинин Н. А.* Ради Руси православной // Не в силе Бог, но в правде. Святой благоверный князь Александр Невский. Церковно-исторический сборник. М., 2007. С. 294.

²⁷ См.: *Бегунов Ю. К.* Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Не в силе Бог, но в правде... С. 315–324.

6. *Димитрий Ростовский, свт.* Житие святого благоверного князя Александра Невского // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/719 (дата обращения: 03.11.2020).

7. *Димитрий Ростовский, свт.* Перенесение честных мощей святого благоверного великого князя Александра Невского из Владимира в Царствующий град святого Петра // Свт. Димитрий Ростовский. Жития святых. Книга четвертая. Июнь, июль, август. Киево-Печерская Лавра, 1764. С. 1184—1189.

8. Житие Александра Невского: разбор редакций и текст / В. Мансикка. Общество любителей древней письменности. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства; вып. 180).

9. *Клепинин Н. А.* Ради Руси православной // Не в силе Бог, но в правде. Святой благоверный князь Александр Невский. Церковно-исторический сборник. М., 2007. С. 287—296.

10. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009. Режим доступа: <http://www.a-nevsky.ru/library/aleksandr-nevskiy-epoha-i-pamyat-istoricheskie-ocherki18.html> (дата обращения: 12.11.2020).

11. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский. Эпоха и память: исторические очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2018.

12. *Милотенко Н. И.* Сказания о Михаиле Черниговском // Труды Отдела древнерусской литературы. 2016. Т. 64. С. 180—198.

13. *Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // Труды Отдела древнерусской литературы. 2003. Т. 54. С. 491—534.

14. *Пиккио Р.* О библейских тематических ключах // Его же. Slavia Orthodoxa. М., 2005. С. 431—465.

15. Повесть о житии Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4546> (дата обращения: 20.11.2020)

16. *Ранчин А. М.* Князь-страстотерпец в славянской агиографии // Его же. Вертоград Златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/347125> (дата обращения: 21.11.2020).

17. *Ранчин А. М.* О принципах изучения истории древнерусской литературы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 103—114.

18. *Серебрянский Н. С.* Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). Ч. 1—2. М., 1915.

19. *Федотов Г. П.* Русская религиозность // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/russkaja-religioznost/2_10 (дата обращения: 20.11.2020).

20. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону, 1999.

21. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

Yulia Yu. Fedorova

Martyrdom and Faith Confession Motifs in the Russian Hagiographic Tradition

Dedicated to the Faithful Saint Prince Alexander Nevsky

Abstract. Among the Faithful Russian princes, St. Alexander Nevsky usually heads the group of “princes, rulers and warriors for the Russian land”. Taking monastic vows on his deathbed adds characteristics of the Venerable to his personality. However, analysis of the texts shows other motifs that appear in his hagiography rather early, in particular, those of being a confessor of the faith and a martyr. The paper analyzes aspects of martyrdom and confession of the faith in hagiographic texts dedicated to St. Alexander Nevsky.

Keywords: *St. Alexander Nevsky, Faithful Princes, confession of the faith, martyrdom, passion-bearing.*

Citation. Fedorova Yu. Yu. Motivы muchenichestva i ispovednichestva v russkoi agiograficheskoi traditsii, posviashchennoi sviatomu blagovernomu kniazuiu Aleksandru Nevskomu [Martyrdom and Faith Confession Motifs in the Russian Hagiographic Tradition Dedicated to the Faithful Saint Prince Alexander Nevsky]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia — Church. Theology. History*, 2021, no. 2, pp. 38–47.

About the author. Fedorova Yulia Yurievna — PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies at the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Russia, Ulyanovsk). *E-mail:* fedorowaiulia@ya.ru.